

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.18

Original article

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: han010@yandex.ru

KHALIKOV Aslyam Nailevich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ИНСТИТУТ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

THE INSTITUTE OF COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE
LAW OF RUSSIA AND IN NEIGHBORING COUNTRIES (COMPARATIVE LEGAL RESEARCH)

Аннотация. В статье дается обзор и сравнительный анализ негласных следственных действий, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством стран ближнего зарубежья. Рассматриваются виды и система негласных следственных действий, основания и процедура их проведения, а также критерии процессуальной доказательственной оценки результатов таких действий. Цель работы – установление эффективности закрепления в уголовно-процессуальном законе негласных следственных действий, которые в своей основе исходят из оперативно-розыскных мероприятий. При подготовке статьи использован сравнительно-правовой метод исследования нормативных актов России и зарубежных стран. Сделан вывод о необходимости введения института негласных следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство для эффективной борьбы с преступностью, использования результатов негласных следственных действий в доказывании при обязательном соблюдении прав и свобод человека. Российская уголовно-процессуальная наука также должна начать разработку негласных следственных действий для их включения в УПК РФ.

Ключевые слова: доказывание, негласные следственные действия, следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, оценка доказательств, права человека, уголовно-процессуальный закон

Для цитирования: Халиков А.Н. Институт негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законе России и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) / А.Н. Халиков. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 142–150

Abstract. The article gives an overview and comparative analysis of covert investigative actions, which are provided by the criminal procedure legislation of neighboring countries. The article considers the types and system of covert investigative actions, the grounds and procedure for their conduct, as well as criteria for procedural evidentiary evaluation of the results of such actions. The purpose of the work is to establish the effectiveness of the inclusion of covert investigative actions in the law of criminal procedure, which are based on operational and investigative measures. The article uses the comparative legal method of studying legal acts of Russia and foreign countries. It is concluded that it is necessary to introduce the institute of covert investigative actions into criminal procedure legislation in order to effectively combat crime, to use the results of covert investigative actions in evidence, while always respecting human rights and freedoms. The Russian criminal procedure science should also develop covert investigative actions for their inclusion in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: evidence, covert investigative actions, investigative actions, operational investigative activities, evaluation of evidence, human rights, criminal procedure law

For citation: Khalikov A.N. The institute of covert investigative actions in the criminal procedure law of Russia and in neighboring countries (comparative legal research). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp.142–150 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.18.

ВВЕДЕНИЕ

В уголовно-процессуальных законах многих государств постсоветского пространства появился новый институт специальных негласных, или тайных, следственных действий. По своему содержанию и специфичным названиям негласные следственные действия во многом сходны с оперативно-розыскными мероприятиями, однако проводятся только по возбужденным уголовным делам, а следовательно, в процессе предварительного расследования. При этом результаты таких негласных действий имеют силу доказательств наравне с другими доказательствами по уголовному делу. Тем самым проведение негласных следственных действий в процессуальном плане рассматривается, как правило, наряду с производством типичных следственных действий.

В УПК РФ процессуального института скрытых следственных действий нет, и ряд ученых выступают против его введения [1, с. 137–142]. При этом наличие таких следственных действий, как контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186-1 УПК РФ), которые трансформировались из оперативно-розыскной деятельности, показывает определенную тенденцию к формированию системы негласных действий и в УПК РФ [2, с. 235–239]. Разумеется, сходство подобных действий с оперативно-розыскными мероприятиями и их закрепление в нормах УПК имеет как положительные, так и негативные стороны, проявляющиеся в основном при использовании полученной информации в качестве доказательств и их дальнейшей оценке в ходе судебного производства. Однако наличие современных технических возможностей, с одной стороны, и все более изощренные способы совершения преступлений, например, в виртуальном пространстве – с другой, диктуют необходимость пересмотра старых подходов к производству всем нам привычных следственных действий, проводящихся в гласном порядке.

В этой связи необходимо выделить и рассмотреть отражение норм, регулирующих производство негласных следственных действий,

в уголовно-процессуальном законе России и ряда зарубежных стран, в частности постсоветского пространства. Подобный сравнительный анализ необходим для установления возможности оптимального упорядочения и применения в уголовном судопроизводстве специальных следственных мер, используемых исключительно следственными органами в режиме нелегальной деятельности. Иными словами, необходимо установить, возможно ли в уголовно-процессуальном законодательстве регламентировать проведение негласных следственных действий, сходных с оперативно-розыскными мероприятиями, без существенного ущерба для задач уголовного судопроизводства, в том числе прав и интересов его участников.

**НОРМЫ О НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЯХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
КОДЕКСАХ РОССИИ
И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Классическое разделение уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (сыск, полицейское дознание) позволяло до начала XXI в. только упоминать в уголовно-процессуальном законе о существовании негласных мер оперативной работы. Такой порядок минимального регламентирования негласных действий в УПК сохранился и сегодня в России и в ряде других стран. Разумеется, в этих условиях отсутствует и какое-либо нормативное закрепление неких тайных следственных действий в уголовно-процессуальном законе.

В то же время интегрирующие начала уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности привели к тому, что технические методы оперативно-розыскной деятельности были регламентированы в УПК РФ в ст. 186 о контроле и записи телефонных и иных переговоров и в ст. 186-1 о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Как известно, названные следственные действия проводятся без информирования заинтересованных лиц, с санкции суда и часто их исполнение следователь поручает оперативно-розыскным органам. В определенной степени данные следственные действия напо-

минают негласные следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия, поскольку происходит накопление огромного объема информации в виде записи телефонных переговоров, абонентских соединений, проводящихся в течение сравнительно долгого времени и в отношении неограниченного круга граждан, когда абонент ведет переговоры с другими лицами [3, с. 163–173]. В свою очередь, это требует конспиративных методов следственной деятельности и нередко тесного взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [4, с. 99–100].

Прослушивание и запись телефонных и иных переговоров – единственное следственное действие, носящее, как правило, в течение долгого времени негласный характер, регламентировано УПК стран ближнего зарубежья: ст. 214 УПК Республики Беларусь, ст. 259 УПК Азербайджанской Республики, ст. 169–171 УПК Республики Узбекистан, ст. 283–284 УПК Туркменистана, ст. 196 УПК Республики Таджикистан. Основания, порядок и использование результатов прослушивания телефонных и иных переговоров в названных странах сходно с УПК РФ и примерно совпадает в УПК всех перечисленных государств.

В то же время в ряде других стран создан уголовно-процессуальный институт негласных следственных действий, которому посвящены отдельные разделы УПК. Данные разделы можно анализировать только в сравнении с оперативно-розыскной деятельностью, поскольку практически ничего общего с «классическими» следственными действиями исследуемые негласные следственные действия не имеют.

Общим основанием возникновения института негласных следственных действий, опосредованно излагаемом в нормах УПК, является невозможность только открытыми следственными действиями бороться с преступностью и достигать целей уголовного судопроизводства. Именно из такого активного или более наступательного отношения к борьбе с преступностью в уголовно-процессуальном законе возникли нормы, регулирующие негласные следственные действия, которые структурно сформировались в довольно системные правовые институты.

Одной из первых такой подход предприняла Украина в УПК от 13 апреля 2012 г., где был введен новый процессуальный институт – «Негласные следственные действия», предусмотренный гл. 21, оцениваемый рядом ученых как передовой опыт борьбы с преступностью [5, с. 151–155]. В данной главе в ст. 246–275 определяются следующие негласные, или розыскные, следственные действия: аудио-, видеоконтроль лица; наложение ареста на корреспонденцию; осмотр и выемка корреспонденции; снятие информации с электронных коммуникационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем; обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица; установление местонахождения радиооборудования (радиоэлектронного средства); наблюдение за лицом, вещью или местом; мониторинг банковских счетов; аудио-, видеоконтроль места; контроль за совершением преступления (проводимый в формах контролируемой поставки, контролируемой и оперативной закупки, специального следственного эксперимента, имитации обстановки преступления); выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации; негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования; использование конфиденциального сотрудничества.

Фактически в названных нормах УПК Украины приведен весь перечень оперативно-розыскных мероприятий для получения любой скрытой информации. И даже конфиденциальное сотрудничество стало регулироваться уголовно-процессуальным законом, что является нонсенсом с точки зрения основных положений уголовного процесса.

Аналогичный раздел имеется в УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г., именуемый так же – «Негласные следственные действия» (гл. 30), где перечислены и описаны следующие виды негласных следственных действий: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи; негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; негласное снятие

информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации; негласный контроль почтовых и иных отправлений; негласные проникновение и (или) обследование места; негласное наблюдение за лицом или местом; негласный контрольный закуп. Как оценивают ученые, институт негласных следственных действий в Казахстане имеет постоянную тенденцию к совершенствованию в целях активной борьбы с преступлениями [6, с. 215; 7, с. 229–236].

УПК Кыргызской Республики, принятый 28 октября 2021 г., в гл. 31 регламентировал проведение следующих специальных следственных действий: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка; прослушивание переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или о местоположении абонентского устройства; снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств; аудио-, видеоконтроль лица или места; наблюдение за лицом или местом; проникновение и обследование нежилого помещения или иного недвижимого имущества, находящегося во владении или распоряжении лица; получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы; внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности; контролируемая поставка; контрольный закуп.

Как видим, негласные следственные действия в УПК Кыргызстана имеют определенное смешение с традиционными следственными действиями.

Прибалтийские государства тоже ввели институт негласных действий в действующие УПК. Так, УПК Эстонской Республики 1 января 2013 г. ввел гл. 3-1, именуемую «Оперативно-розыскные мероприятия», что, думается, более точно отражает фактическую характеристику негласных следственных действий. В данной главе регламентировано проведение следующих оперативно-розыскных мероприятий, сходных с перечисленными тайными следственными действиями в других странах: тайное наблюдение за лицом, предметом или местностью; тайный сбор сравнительного материала и проведение его первичных исследова-

ований; тайный досмотр и тайная подмена предмета; тайный досмотр почтового отправления; тайные прослушивание и просмотр информации; имитация преступления; использование полицейского агента.

СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО УПК ЛАТВИИ И ЛИТВЫ ТАКЖЕ ДОПУСКАЮТ НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Широкий спектр тайных следственных действий есть и в гл. 16-1 УПК Грузии от 9 октября 2009 г.: скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и стационарной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему соответствующего программного обеспечения; определение геолокации в реальном времени; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений; скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка; электронное слежение при помощи технических средств.

В ч. 5 ст. 133 УПК Республики Молдовы от 14 марта 2003 г. предусмотрено 14 специальных розыскных мероприятий, общее содержание которых особо не отличается от норм УПК приведенных государств.

Тем самым мы видим два основных направления отражения норм, регулирующих производство негласных следственных действий, в уголовно-процессуальном законе России и соседних государств: одни из них, как и Россия, не стали вводить в УПК специальный институт негласных действий, связанный больше с мероприятиями оперативно-розыскного характера, другие государства ввели в уголовный процесс меры негласной процессуальной работы, а фактически оперативно-розыскной деятельности, закрепив их в форме особых специальных следственных действий. При этом если в УПК Эстонии или УПК Молдовы подобные мероприятия названы оперативно-розыскными или розыскными, то УПК Украины, Казахстана, Кыргызстана и Грузии называют их следственными действиями, хотя и с различной оценкой их результатов в уголовном судопроизводстве.

В то же время нельзя не отметить и однозначный положительный эффект от включения тайных следственных действий в УПК названных государств по сравнению, допустим, с действующим оперативно-розыскным законодательством. Положительным началом является то, что в ст. 6 российского закона «Об оперативно-розыскной деятельности» только перечислены наименования 15 оперативно-розыскных мероприятий, без детального регламентирования их содержания. А в УПК рассматриваемых стран все тайные следственные действия, схожие с оперативно-розыскными мероприятиями, раскрыты детально, с условиями их проведения и описанием правил их производства. В таком открытом изложении сущности негласных следственных действий в УПК они действительно приобретают правовой характер, более допустимый для их активного использования в следственной практике и в доказывании.

Структура и содержание норм о специальных следственных действиях в уголовно-процессуальном законе зарубежных стран. Содержание разделов УПК Казахстана, Кыргызстана, Эстонии, Украины, Грузии Молдовы и ряда других стран, посвященных специальным негласным следственным действиям, показывает развернутое построение механизма их проведения в процессе досудебного производства, образуя практически новый институт в уголовном судопроизводстве. Началом правового механизма рассматриваемого института являются основания производства специальных действий, далее описываются субъекты исполнения негласных следственных действий, особые условия их проведения, виды санкционирования отдельных действий или мероприятий, правила фиксации результатов мероприятий в уголовном судопроизводстве и нормы, регулирующие условия их использования в системе доказывания.

Согласно УПК Республики Казахстан негласные следственные действия проводятся для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию, когда сведения о фактах необходимо получить, не информируя заинтересованных лиц. Поручение о проведении названных негласных действий дает должностное лицо досудебного органа подразделения правоохранительных или специальных государствен-

ных органов. Ряд таких действий, затрагивающих конституционные права, проводятся с разрешения следственного судьи на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное расследование, либо иных должностных лиц. Подлежащее санкционированию негласное следственное действие проводится в срок не более тридцати суток. По завершении проведения негласного следственного действия все имеющие значение для дела материалы, полученные в ходе его проведения, с соблюдением конфиденциальности передаются сопроводительным письмом органу досудебного расследования. Все перечисленные действия детально расписаны в соответствующей главе УПК Казахстана, что составляет и определенные гарантии соблюдения прав и свобод человека [8, с. 36–41].

Порядок проведения специальных следственных действий, изложенный в УПК Кыргызской Республики, не имеет существенных различий с УПК Казахстана. В то же время если в УПК Казахстана негласные следственные действия имеют право проводить в основном специальные правоохранительные органы, то УПК Кыргызстана такое право также предоставлено следователю или он вправе это поручить специальным правоохранительным органам по расследуемому им уголовному делу.

Структура гл. 21 УПК Украины, посвященная негласным следственным действиям, в целом сходна с УПК Казахстана и Кыргызстана по основаниям их проведения, основной роли следователя при инициировании таких действий, а также роли судьи в даче санкций на ряд негласных следственных действий. В то же время в отличие от статуса прокурора в России, который фактически ограничен в осуществлении надзора за расследованием уголовного дела, органы прокуратуры по УПК Украины, как и в других соседних государствах, играют сильнейшую роль по контролю и надзору за проведением негласных следственных действий. С прокурорами согласовываются все негласные следственные действия, а при контроле совершения преступления только прокурор дает санкцию на проведение этого негласного следственного действия. Проводить негласные следственные (розыскные) действия имеет право следователь или по его поручению уполномоченные оперативные подразделения правоохранительных органов.

Существенно не отличается и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий согласно УПК Эстонии, где на ряд оперативно-розыскных мероприятий разрешение выдается следственным судьей, а на иные – и прокурором. Разумеется, прокуратура осуществляет полный надзор за проведением оперативных мероприятий. В УПК Эстонии регламентированы также правила использования полицейского агента для получения информации, что является новшеством в сфере негласных следственных действий [9, с. 72–74]. Письменное разрешение на использование до шести месяцев агента полиции дает прокуратура.

В УПК Грузии более четко и развернуто прописаны принципы проведения тайных следственных действий. В частности, в ст. 143-2 определено, что тайное следственное действие проводится, только когда это необходимо для достижения легитимной цели в демократическом обществе – обеспечения национальной или общественной безопасности, предотвращения беспорядков или совершения преступления, защиты интересов экономики либо прав и свобод других лиц. Тайное следственное действие является необходимым в демократическом обществе, если его производство вызвано неотложной общественной необходимостью и оно является соответствующим и пропорциональным средством достижения легитимной цели. Тайное следственное действие может проводиться только в случае, когда получить доказательства, имеющие существенное значение для следствия, иными средствами невозможно либо это потребует неоправданно больших усилий. Пределы (интенсивность) производства тайного следственного действия должны быть пропорциональны его легитимной цели.

Согласно УПК Грузии санкцию на проведение тайных следственных действий выдает исключительно судья, а в безотлагательных случаях – прокурор. Интересно, что контроль и надзор за производством тайных следственных действий осуществляет Служба защиты персональных данных в соответствии с Законом Грузии «О защите персональных данных».

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ

Несмотря на то что институты негласных следственных действий сконструированы в УПК зарубежных стран наравне с типичными следственными действиями, их процессуальная оценка в качестве доказательств в уголовном процессе имеет свои особенности, определяемые в каждом случае индивидуально. Тем самым правоприменитель должен всегда учитывать особенности производства и доказательственной оценки негласных следственных действий, даже если это не отмечено в уголовно-процессуальном законе. Дело в том, что такие негласные действия нередко проводятся оперативными работниками с секретной технической фиксацией результатов и без определенных гарантий соблюдения прав и интересов участников уголовного судопроизводства. В то же время включение результатов негласных следственных действий в общую систему доказывания ведет к необходимости оценивать всю совокупность полученных доказательств по уголовному делу с соответствующей процедурой их исследования и проверки.

Согласно ст. 239 УПК Казахстана результаты негласных следственных действий оцениваются по обычным правилам оценки доказательств, предусмотренным ст. 25 и 125. В то же время УПК Казахстана предусматривает не характерное для УПК РФ понятие «исследование доказательств», которое включает анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собирание для их проверки дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств. По отношению к результатам негласных следственных действий протоколы их исследования, звукозаписи и записи изображений, фотографии, другие зафиксированные с помощью научно-технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании наравне с доказательствами, полученными в результате следственных действий. В то же время, если в доказывании используются тай-

но зафиксированные высказывания или действия какого-либо лица, это лицо обязательно должно быть об этом допрошено, что составляет обычную процедуру проверки негласных процессуальных действий.

Как и по УПК Казахстана, согласно ст. 228 УПК Кыргызстана протоколы специальных следственных действий, видео- и аудиозапись, фотосъемка, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании на тех же основаниях, что и результаты других следственных действий. Лица, которые проводили специальные следственные действия или были привлечены к их проведению, могут быть допрошены в качестве свидетелей. Может иметь место допрос и других участников уголовного дела.

Согласно ст. 256 УПК Украины результаты негласных следственных действий рассматриваются наравне с другими доказательствами. В этом случае протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, аудио- или видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с применением технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий. При этом согласно ст. 94 УПК Украины должностные лица следственных органов, прокурор, судья оценивают каждое доказательство с точки зрения принадлежности, допустимости, достоверности, а совокупность собранных доказательств – с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения. Ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы.

УПК Эстонии, в отличие от рассмотренных нормативных актов, не содержит нормы о доказательственной оценке результатов оперативно-розыскных мероприятий. Они оцениваются в общем порядке, что предусмотрено ст. 61 УПК Эстонии, указывающей, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Суд оценивает доказательства в их совокупности согласно своему внутреннему убеждению. В то же время, согласно ст. 63 УПК Эстонии о видах доказательств, к ним относятся протокол или видеозапись следственного действия, судебного заседания и опера-

тивно-розыскного мероприятия, а также иной документ, фото- или киноматериал либо иной носитель информации. Нельзя не отметить правила, согласно которому для доказывания обстоятельств уголовного производства могут использоваться также доказательства, не перечисленные в излагаемой норме, за исключением случаев, когда речь идет о доказательстве, полученном преступным путем или путем нарушения основополагающего права. В определенном смысле указанное правило сходно с ч. 1 ст. 74 УПК РФ о расширительном понятии видов доказательств.

В УПК Грузии в разделе о тайных следственных действиях и в УПК Молдовы в разделе о специальной розыскной деятельности не содержится положений, предусматривающих особые правила оценки результатов названных негласных действий. Исходя из норм об общей оценке доказательств, результаты таких действий оцениваются наравне с другими доказательствами, включая и рассмотрение положений о недопустимых доказательствах.

Таким образом, в УПК названных стран ближнего зарубежья практически нет особых правил оценки специальных негласных следственных действий или действий оперативно-розыскного либо розыскного характера в качестве доказательств, хотя, как мы указали, в правоприменительной практике результаты негласных следственных действий подлежат более тщательному исследованию. В данном случае это принципиальное отличие от мер оперативно-розыскной деятельности (оперативно-розыскных мероприятий), которые в специальных законах об оперативно-розыскной деятельности не подлежат рассмотрению в качестве доказательств. Тем самым основания, применение и документальная фиксация специальных негласных следственных действий, содержащихся в рассматриваемых УПК, должны по своему значению и процессуальному оформлению исходить из их принадлежности к понятию доказательств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из небольшого исследования о негласных следственных действиях, закрепленных в УПК рассмотренных государств, можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Появление в уголовном судопроизводстве нового института негласных следственных действий стало объективной необходимостью в связи с интенсивно растущими преступлениями, совершаемыми с использованием электронных средств связи, международными организованными преступными группами, а также в связи с усиливающимися явлениями терроризма, коррупции, незаконного оборота наркотиков и оружия, военными преступлениями.

2. Уголовно-процессуальное закрепление института негласных следственных действий должно одновременно быть точно эффективным для борьбы с преступлениями и в максимальной степени учитывать права и интересы человека и гражданина.

3. Институт негласных следственных действий не должен подменять оперативно-розыскную деятельность и оперативно-розыскное законодательство [10, с. 44–45]. Необходимо учитывать, что негласные след-

ственные действия проводятся в рамках уголовного судопроизводства (стадии возбуждения уголовного дела и расследования уголовного дела), тогда как оперативно-розыскная деятельность производится до уголовного судопроизводства либо параллельно с досудебным и судебным производством.

4. Уголовно-процессуальная доказательственная оценка результатов негласных следственных действий проводится наравне с другими видами доказательств. Однако для особого исследования и проверки результатов названных негласных действий не исключается производство всей совокупности следственных и процессуальных действий, перечисленных в УПК.

5. Следует начать научную и практическую процессуальную разработку негласных следственных действий в УПК РФ с учетом особенностей национального уголовного судопроизводства [11, с. 81] и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С.Б. Негласные способы собирания доказательств не соответствуют национальным подходам к концепции построения досудебного производства по уголовному делу / С.Б. Россинский // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – С. 137–142.

2. Краснова В.Ю. К вопросу о соотношении негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий / В.Ю. Краснова // Проблемы защиты прав: история и современность : материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 235–239.

3. Фадеева Ю.Р. Формирование следственных действий негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России / Ю.Р. Фадеева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (100). – С. 163–173.

4. Костенко А.Б. О необходимости закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ негласных следственных действий / А.Б. Костенко // Юридическая наука. – 2020. – № 4. – С. 99–100.

5. Кузора С.А. Анализ особенностей производства негласных следственных действий по УПК Украины / С.А. Кузора // Гуманитарные чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2022. – С. 151–155.

6. Закен С.С. Использование результатов негласных следственных действий по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан / С.С. Закен // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 10. – С. 210–216.

REFERENCES

1. Rossinsky S.B. Covert methods of collecting evidence do not correspond to national approaches to the concept of building pre-trial proceedings in a criminal case. *State scientific and technical policy in the field of forensic support for law enforcement. Collection of scientific articles based on materials from the international scientific and practical conference.* Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023, pp. 137–142. (In Russian).

2. Krasnova V.Yu. On the issue of the relationship between covert investigative actions and operational investigative measures. *Problems of protection of rights: history and modernity. Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference.* Saint Petersburg, 2022, pp. 235–239. (In Russian).

3. Fadeeva Ju.R. Formation of undercover investigative actions in the criminal procedure legislation of Russia. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2022, no. 1 (100), pp. 163–173. (In Russian).

4. Kostenko A.B. On the need for attachment in the Criminal Procedure Code of Russia of unspoken investigative actions. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2020, no. 4, pp. 99–100. (In Russian).

5. Kuzora S.A. Analysis of the peculiarities of undercover investigative actions under the Criminal Procedure Code of Ukraine. *Humanitarian readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference.* Khabarovsk, 2022, pp. 151–155. (In Russian).

6. Zaken S.S. Using the results of covert investigative actions under the criminal procedural legislation of the Republic of Kazakhstan. *Chelovek. Socium. Obshchestvo = Human. Society. Society*, 2023, no. 10, pp. 210–216. (In Russian).

7. Серик З.С. К вопросу об юридической определенности и эффективности негласных следственных действий в Республике Казахстан / З.С. Серик // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 12. – С. 229–236.
8. Бачурин С.Н. Законодательное совершенствование уголовно-процессуальных норм о негласных следственных действиях / С.Н. Бачурин // Наука. – 2020. – № 3 (66). – С. 36–41.
9. Медиев Р.А. Производство негласных следственных действий (сравнительный анализ законодательства Республики Казахстан и Республики Эстония) / Р.А. Медиев, Е.К. Санязова, А.А. Кызылходжаева // Мир закона. – 2023. – № 1-2 (249-250). – С. 72–74.
10. Татарина Л.Ф. Проблемы определения правовой природы негласных следственных действий / Л.Ф. Татарина, Ж.Б. Иванова // Education. Quality Assurance. – 2023. – № 4 (33). – С. 44–45.
11. Давыдов С.И. Негласные следственные действия: российский и зарубежный опыт правового регулирования / С.И. Давыдов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 4. – С. 77–81.
7. Serik Z.S. On the issue of legal certainty and effectiveness of covert investigative actions in the Republic of Kazakhstan. *Chelovek. Socium. Obshchestvo = Human. Society. Society*, 2023, no. 12, pp. 229–236. (In Russian).
8. Bachurin S.N. Legislative improvement of criminal procedure rules on secret investigative actions. *Nauka = Science*, 2020, no. 3 (66), pp. 36–41. (In Russian).
9. Mediyev R.A., Saniyazova E.K., Kyzylkhodzhaeva A.A. Production of secret investigative actions (comparative analysis of the legislation of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Estonia). *Mir zakona = World of Law*, 2023, no. 1-2 (249-250), pp. 72–74. (In Russian).
10. Tatarinova L.F., Ivanova J.B. Problems of determining the legal nature of covert investigative actions. *Education. Quality Assurance*, 2023, no. 4 (33), pp. 44–45. (In Russian).
11. Davidov S.I. Secret investigative actions: Russian and foreign experience of legal regulation. *Rossijsko-aziatskijpravovojzhurnal = Russian-Asian Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 77–81. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 08.02.2024. The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.